

МУЗЫКУ, КАК ЖЕНЩИНУ И РОДИНУ, НУЖНО ЛЮБИТЬ БЕСКОРЫСТНО

Квартиру полностью переделал сам хозяин. Из трехкомнатной "распашонки" получилась стильная, с раздельными ходами. Двадцать пять лет назад такое сделать было практически невозможно - ЖКО зорко следило за "архитекторами". Друзья посоветовали: держи в кармане 25 рублей. Придет проверяющий, потребует предъявить разрешение, а ты ему - четвертак. От денег пока еще никто не отказывался. И вот квартира давно уже переделана, а проверяющего все нет. Деньги отданы жене. Прошло несколько лет. И вдруг звонок в дверь: на пороге стоит высокая женщина - проверяющая из ЖКО. Зашла. Пока она осматривала квартиру, хозяин лихо радочко соображал, где взять 25 рублей, так как денег у него сейчас не было совсем - жена отправилась на рынок. Не скажешь же посетительнице: "Подождите немного, сейчас жена вернется, и мы вам взятку дадим". А она вдруг спрашивает:

- Это вы сами сделали?
- Да, все своими руками!
- Но вы же музыкант!
- У меня диплом инженера. Так что я инженер, свихнувшийся на джазе, - ответил ей знаменитый композитор и дирижер Олег Лундстрем.

- Надо же, - вздохнула она, - неужели у нас нельзя сразу строить так, чтобы люди потом не мучились? После ее визита в квартиру мастера зачастили соседи - перенимали опыт.

"Советский джаз родился в 1916 году в городе Чите". Так про Лундстрема говорил главный джазовый критик страны Алексей Баташев. В дату рождения не веришь, когда смотришь на Олега Леонидовича. Всегда подтянут, ухожен. Очень живые, молодые глаза. И видимо, большая сила воли. В свои годы может два часа стоять и дирижировать оркестром. Постоянно острит. Терпеть не может компьютер. В свободное от концертов и репетиций время разбирает обширный архив. Сыпет налево и направо цитатами из Вернадского, причем они него подпадают практически к любой ситуации. Со мной проговорил часа четыре и, кажется, мог бы еще больше. Выдохлась - я...

- Жена меня называла неунывающим оптимистом. Я всегда жил по принципу - не надо биться головой о стенку, если не можешь ее проломить. Значит, так распорядилась судьба! Придет время, и все будет по-друго-

му. А музыка заставляет забыть обо всем плохом.

- Почему вы, инженер, начали играть и аранжировать джаз?

- Совершенно случайно услышал музыку Дюка Эллингтона и влюбился в нее навсегда. Тогда, в начале 30-х годов, я учился в школе в Харбине и в одном магазине услышал пластинку с композицией Эллингтона "Дорогой старый Юг". Я просто обалдел! Какие чудные звуки! Какая энергия! Я не совсем понял, что это такое, но сразу же купил пластинку. Она у меня до сих пор хранится.

- И после этого собрали свой оркестр?

- Не совсем так. Я оркестр не собирал. Просто мы с друзьями играли время от времени - саксофон, труба, банджо. Играли то, что нравилось. В джазе не разбирались. Эту пластинку Эллингтона заслушали до дыр. Все пытались понять: почему они играют на тех же инструментах, а звук совсем другой? Чего они туда добавляют? А потом подумали - раз нам так нравится, то и сыграть мы тоже сможем. Я предложил - давайте организуем биг-бэнд, их тогда в Харбине было очень много. Возник вопрос: кто будет руководителем? Кто-то сказал - Олег. Так меня и назначили. И знаете, почему практически все джаз-оркестры распались, а мы - нет?

- Не знаю.
- Да потому, что не я организовал, а меня назначили. Я всю жизнь боялся, что буду плохо работать и меня переизберут. Поэтому старался. (Смеется).

- Кто-то из музыкантов играет с вами до сих пор?

- Нет, я один остался. Но два моих друга, с которыми мы начинали, живы, они сейчас на пенсии.

- Где вы начали выступать профессионально?

- В Шанхае. В 30-40-х годах это был удивительный город - дальневосточным Вавилоном его называли. Жизнь кипела! Одних только биг-бэндов там было два-три десятка - американские, китайские, европейские. Играли мы в так называемом "Малжестик-балрум". Это большой танцевальный зал, где играли биг-бэнды. Стояли столики. По краям зала сидели девушки для танцев. Только партнеры для танцев, и ничего другого! Было очень хорошо. В этом городе я узнал, что такое рыночные отношения, и быстро приспособился к ним. Мы играли в Шанхае до 1947 года.

- Хорошо жилось в Манчжурии?

- Замечательно. Несмотря на то что в стране был тогда кризис, советские граждане жили там очень хорошо. Тогда еще действовал договор, заключенный между царским и китайским правительствами, согласно которому доход от совместных про-

ектов делился поровну. Поэтому советские граждане не знали, куда девать деньги. Правда, об этом не ведали в Советском Союзе, так как разглашать тайну строго воспрещалось. Те, кто вернулся в Союз и рассказал, что живут тут при коммунизме, заканчивали свои дни в лагерь.

- Но вы все-таки вернулись из "рая" в суровую советскую действительность. Почему?

- Япония оккупировала Манчжурию, и жить там стало невозможно.

- А у нас в то время и джаз запрещали. Как же вы сохранили свой оркестр?

- А вот именно потому, что хорошо усвоил урок рынка: на этот товар спроса нет - ищи другой. Потому, когда в Казани, где мы жили и работали, нам сообщили, что очередной пленум комсомола решил, что джаз стране не нужен, я не особо расстроился. Решил, что буду заниматься чем-нибудь другим.

- И чем же вы занимались?

- Учился в Казанской консерватории. Писал аранжировки к народным татарским мелодиям, к музыке из советских кинофильмов. Кстати, у меня есть аранжировки песен "Катюша" и "Шаланды, полные кефали", которые тогда исполнять запрещали. Про мою "Катюшу" говорили, что почти советский гимн я одел в американские одежды. Написал для Татарской филармонии "Волжскую симфонию", которую до сих пор исполняют.

- Неужели вы были послушными и не играли джаз?

- Разумеется, играли. Директор Казанской филармонии очень любил джаз, поэтому помогал нам устраивать концерты. И один раз нас услышали москвичи.

- После чего вы проснулись знаменитыми?

- Да мы, в общем-то, и были всегда знаменитыми - и в Шанхае, и в Казани. Наши друзья помогли нам устроить десять концертов в здании драматического театра. Десять дней были аншлаги. Слухи о наших концертах дошли и до Москвы. В Казань приехал человек по имени Михаил Цым - он потом долгое время был у нас администратором в оркестре. Посмотрев наш концерт, сказал: "Не должен такой оркестр оставаться в Татарии!"

- И вы тут же поехали за ним в Москву?

- Нет. Мы "поломались" немного. А если серьезно, то объяснили, что джаз запрещен, и мы не верим в успех. Москвичи ничего не ответили, уехали, а через месяц нам прислали письмо, что нас перевели на работу в Москву и мы должны срочно выехать. Как разозлился ректор Казанской консерватории, когда узнал, что мы уезжаем! Ведь мы уже преподава-

ли у него в консерватории.

- В Москве вас приняли с распростертыми объятьями, предоставили жилье?..

- Не совсем так. С жильем была связана интересная история. Уже работая, мы начали строить себе дом. На это было распоряжение Совета Министров о том, что мы можем построить себе жилье на сверхплановую прибыль. Дом получился замечательный - со звукоизоляционными перекрытиями, с репетиционными залами на первом этаже. Такого дома тогда в Москве не было. И вот, только мы приготовились въезжать, как вдруг узнаем, что наш дом заселили другими людьми! Пришлось идти жаловаться к Фурцевой.

- Помогло?

- Да. Она удивленно выслушала наш рассказ. Покачала головой. А потом набрала номер телефона Бабушкинского исполкома и начала говорить.

(Тут Лундстрем превратился в Фурцеву. Жестами, интонацией, паузами показывал, как она разговаривала по телефону:

- ... Так Вы что, не знали об этом?

- Фурцева-Лундстрем возмущенно вскинула брови. Помолчала, выслушав ответ. - Так что мне им передать?

... Да, они у меня сидят. (Пауза). Хорошо, я им скажу, чтобы они пришли на заседание исполкома.)

- На заседании исполкома перед нами извинились, - завершив свой маленький спектакль, продолжает Лундстрем, - и вскоре расселили по квартирам столицы. К сожалению, в разных домах.

- Олег Леонидович, слышала, что на джазовом фестивале в Санта-Барбаре ваш оркестр получил высокую оценку.

- Еще бы! нас признали одним из лучших биг-бэндов в мире. И единственным оркестром, который имеет свое творческое лицо на этом фестивале. Так про нас говорили американцы.

- В чем успех вашего оркестра, как вы думаете?

- В том, что мы научились оживать музыку. Великий Тосканини был страстным поклонником Эллы Фитцджеральд. Казалось бы, разные жанры. Почему? Да потому, что когда Элла выходила на сцену и начинала петь, через две-три ноты зал был в ее руках! А вообще мы и не подзревали, что добьемся таких высот. Нравилось играть, и все. Но самое главное, что музыку, как женщину и родину, нужно любить бескорыстно. Тогда больше получишь.

- Дома, когда нет концертов, вы какую музыку любите слушать?

- И дома джаз слушаю. А еще очень люблю фольклор. Ведь практически все направления музыки вышли из фольклора. Первые негри-

танские блюзы - это фактически народные мелодии. Поэтому я с удовольствием делаю аранжировки на народные мелодии: грузинские, татарские, русские... Фольклор не может быть плохим, так как это музыка, выстраданная людьми. А знаете, кто из наших сегодняшних политиков лучше всех знает джаз?

- Честно говоря, нет.

Евгений Примаков. Он раз мы играли в зале Чайковского. Он зашел гримерную в антракте с раскнутыми руками, как будто хотел меня обнять. Поблагодарил за игру и сказал, что слушает нас с 14 лет. Он тогда жил в Тбилиси. И когда мы выступали в Летнем саду, вместе с другими мальчишками залезал на забор, откуда слушал нас. Примаков признался, что у него есть почти все наши пластинки. Конечно, мне было очень приятно.

- В будущем году исполняется 150 лет Чите. Вы что-нибудь приготовите родному городу?

- Разумеется. Я сейчас пишу новую программу, которую исполним на торжествах в Чите. Между прочим, они тоже мне готовят сюрприз: назовут улицу в честь династии Лундстремов.

- Расскажите немного об истории вашей фамилии.

- Мой прадед, Франц Карлович Лундстрем приехал из Швеции очень давно. Дед заведовал лесным хозяйством Забайкалья. Отец возглавлял отдел культуры в Государственной Думе Дальневосточной республики. По материнской линии бабушка-гречанка была белощвейкой.

- А правда, что в вас течет кровь Тараса Шевченко?

- Да, прадед по материнской линии являлся внучатым племянником Тараса Шевченко.

- Знаете ли вы шведский язык?

- Да, говорю. С министром культуры Швеции обедал в посольстве. Мы много говорили о шведской культуре и о том, как она пересекается с русской.

- Но сами-то вы себя кем считаете - шведом, украинцем или греком?

- Русским.

Светлана САФОНОВА.

Фонолюбно предоставил И. В. ГАВРИЛОВ.

PS. По линии Ярославского джаз-клуба О. Л. Лундстрема приглашали около 10 раз. Он принимал участие в 4 фестивалях, 3 абониментах. Концерты с большим успехом проходили в филармонии и клубе "Гигант". Жители нашего славного города всегда рады видеть и слышать этого непревзойденного мага джаза.

2 апреля Олегу Леонидовичу исполнилось 85 лет. Желаем ему долгих лет жизни и творчества! Оставаться всегда таким изящным, галантным и неподражаемым!

Ярославль как джазовая столица

В Ярославле в апреле прошел очередной фестиваль «Джаз над Волгой». Пять дней подряд в набитом битком Городском концертном зале, что в бывших казармах, проходили фестивальные концерты, а в Джазовом центре на Большой Октябрь-

зыканы устраивали ночные jam-session.

Ярославский джаз-клуб возник еще в 1974 году. И уже тогда появилась идея проводить «Большие концерты джаза». В 1981 году они переросли в настоящий фестиваль «Джаз над Волгой», который

Геннадий НЕКРАСОВ

Апрель

Пылают окна:
Дома -

Деревья - флейты

